

ОТВѢТЪ О. ИГУМЕНУ СЕРГІЮ.

Въ 10 и 11 №№ „Церковнаго Вѣстника“ текущаго года напечатаны двѣ статьи Иг. Сергія, озаглавленныя: „О старо-католикахъ, по поводу статей Пр. Еп. Сергія и А. А. Кирѣева“, на которыя я считаю необходимымъ отозваться. Статьи эти разсматриваютъ пункты (мнимаго) разногласія между нашимъ ученіемъ и ученіемъ старо-католиковъ. Я не буду останавливаться на вопросахъ о „Гііоуе“ и объ Евхаристіи; они, мнѣ кажется, достаточно разъяснены; послѣдній, — между прочимъ благодаря прекрасному толкованію Преосв. Сергія ¹⁾; но съ его же, Еп. Сергія, легкой руки выставлены на первый планъ вопросъ о „Церкви“, и тѣсно связанные съ нимъ вопросы о каноническомъ положеніи Церкви старо-католическихъ и объ отношеніи ихъ къ Церкви римско-католической, которой они, до Ватиканскаго Собора, составляли интегральную часть.

Объ этихъ вопросахъ было написано немало, но я смѣю думать, что почтенный от. игумень не знакомъ съ тѣмъ, что о нихъ сказано, напр. въ *Revue internationale de Théologie*. Замѣчу, что вообще старо-католикамъ и сторонникамъ ихъ ученія полемизировать очень трудно; сплошь да рядомъ случается, что полемика, благополучно оконченная съ однимъ противникомъ, возобновляется ab ovo другимъ, какъ будто не имѣющимъ ни малѣйшаго понятія о предъидущей, только

¹⁾ Онь прекрасно выяснилъ, что евхаристическое чудо, при всей своей дѣйствительности, реальности (*vere realiter et substantialiter*) ни чуть не нуждается въ элементѣ матеріалитическомъ (*sed non carnaliter*). Онь правильно поучаетъ: преложеніе совершается *духовно*, тѣло и кровь Христовы остаются явленіями духовными и питаютъ насъ духовно!

что оконченной, и выступающимъ съ тѣми же старыми, только что разсмотрѣнными аргументами зачастую взятыми изъ тѣхъ же самыхъ руководствъ, тѣхъ же источниковъ, которые только что были разобраны и оцѣнены по достоинству; бываетъ и такъ, что новый полемистъ этотъ не только не знакомъ съ предъидущей полемикой, но и съ разъ навсегда установленнымъ критеріемъ для оцѣнки богословскихъ доказательствъ представляемыхъ сторонами. До нѣкоторой степени это относится и до статей ученаго о. игумена, настоятельно обращающагося къ старо-католикамъ съ такими требованіями, которыя ими давно исполнены. Такъ, напримѣръ, онъ требуетъ отъ нихъ, чтобы они торжественно, передъ лицомъ нашей Церкви отказались отъ заблужденій Рима. „Пусть“, говоритъ онъ внушительно, „старо-католики отрекутся передъ Вселенскою Церковью, отъ связи съ Римомъ (стр. 335—6), пусть они порвутъ связь съ своимъ прежнимъ“ (прошлымъ)! Требованіе это конечно весьма основательно, но, повторяю, оно давнымъ давно исполнено старо-католиками! Они сто разъ отрекались передъ всѣмъ свѣтомъ отъ римскихъ заблужденій! Отреченіе это занесено на сотняхъ страницъ! Оно даже такъ полно и категорично, что нѣкоторые изъ нашихъ латинствующихъ богослововъ жалѣютъ о столь рѣшительномъ отреченіи. Какого же отреченія (237) можно еще требовать? Какъ могутъ старо-католики еще рѣшительнѣе, яснѣе, опредѣленнѣе разорвать свою связь съ Римомъ?! Вѣдь Римъ предалъ ихъ торжественному отлученію, сочиненія ихъ внесены въ Index librorum prohibitorum... На все это я указывалъ въ моихъ отвѣтахъ Преосв. Сергію, и нѣкоторымъ другимъ.

Далѣе отъ старо-католиковъ требуется, чтобы они повѣрили нашему православію (стр. 298), но и это требованіе давнымъ давно ими исполнено. О догматической правотѣ нашей православной русской Церкви было говорено старо-католиками многократно и въ утвердительномъ смыслѣ: правда старо-католики оговариваются, объясняя, что они не могутъ согласиться съ нѣкоторыми изъ нашихъ богослововъ, вносящихъ въ наше догматическое ученіе нѣкоторыя позднѣйшія ученія не извѣстныя древней вселенской Церкви, или, по крайней мѣрѣ никогда не признававшимися ею—ученіями *догматическими*. Но это не мѣшаетъ имъ призна-

вать православность нашей церкви. Старо-католики конечно не считают себя въ правѣ мѣшать нашимъ богословамъ считать эти мнѣнія—догматами, признавать ихъ мнимую обязательность, но они не желаютъ, чтобы эти мнѣнія были навязываемы имъ—старо-католикамъ! Они выгораживаютъ лишь себя, и говорятъ, что не могутъ участвовать въ новыхъ теченіяхъ (*Strömungen*) нашей богословской мысли. Почтенный о. игумень спрашиваетъ: (стр. 298) „вѣрятъ ли старо-католики въ единую, святую, соборную и Апостольскую Церковь“, „въ созижденную Христомъ, реальную, а не отвлеченную?“ Въ отвѣтъ на это позволю себѣ повторить сказанное мною выше: ежели бы о. игумень познакомился съ тѣмъ, что объ этомъ говорится напр. въ *Review i. d. Th.*, или хотя бы съ тѣмъ, что мною приведено въ отвѣтъ на тотъ же вопросъ преосв. Сергію, онъ бы нашелъ самый утвердительный отвѣтъ на свои недоумѣнія; старо-католики *вѣруютъ самымъ положительнымъ образомъ въ эту действительную, реальную Церковь!* О. игумень, какъ бы въ укоръ старокатоликамъ, говоритъ: „имъ нѣтъ надобности съ евангеліемъ въ рукахъ, начать *созиданіе апостольской Церкви*“. Конечно нѣтъ! Да вѣдь они этого и не дѣлали! Они принадлежали къ римской, все болѣе и болѣе заблуждавшейся, церкви, были ея членами: когда она дошла до послѣдняго, крайняго заблужденія (папская непогрѣшимость), они, *члены этой церкви*, отбросили и новую и старую ея ереси, оставаясь при этомъ по прежнему, членами той же западной церкви. Вотъ и все! Церковь у нихъ была, они въ ней остались, не созидая при этомъ ничего новаго, ибо ни въ чемъ новомъ они и не нуждались.

На той же страницѣ о. игумень дѣлаетъ вѣрное и важное замѣчаніе: „Западъ долженъ придти къ Востоку—черезъ старо-католиковъ“. Онъ вѣрно усмотрѣлъ великое историческое значеніе старо-католицизма. Старо-католицизмъ есть мостъ, по которому западное христіанство войдетъ обратно въ сферу вселенской истины. Да! другаго пути нѣтъ. Можно спорить лишь о томъ—можетъ ли вообще западъ возвратиться ко вселенской истинѣ или нѣтъ? Я думаю, что крайнія его части (либералы, граничащіе съ Унитаріанствомъ и консерваторы, граничащіе съ іезуитскимъ ультрамонтанствомъ и отрекающіеся отъ прирожденной человѣку свободы) потеряны для Вселенской Церкви; остальные христіане несомнѣнно

поймутъ истину и по примѣру старо-католиковъ, слѣдуя по указанному ими пути, возвратятся къ Вселенской Церкви. Мы, православные—русскіе, призваны играть выдающуюся роль въ этомъ величайшемъ событіи. Но—намъ нужно это понять... Патріархъ Фотій несомнѣнно бы это понялъ! Трудно положить прочное начало этому дѣлу... Я увѣренъ, однако, что, если мы не будемъ отталкивать старо-католиковъ, предлагая имъ отказаться отъ своей автономіи, или навязывая имъ частныя ученія никогда не бывшія догматами..... если мы отнесемъ къ нимъ справедливо и любовно (а они ничего инаго и не ищутъ у насъ) мы легко придемъ къ соглашенію, хотя за послѣднее время случилось не мало такого, что не очень ободряюще подѣйствовало на старо-католиковъ.

Нельзя тоже согласиться со взглядомъ почтеннаго о. игумена на современное каноническое положеніе старо-католиковъ. Онъ думаетъ, что старо-католики *выдѣлились*, будто бы, *себя* изъ Римской Церкви, остались какими-то новорожденными, не знающими куда приткнуться, и безо всякой церковной почвы подъ ногами. „Римъ для нихъ потерянь“, говоритъ о. игумень. Да! Такъ что-же? Конечно,—потерянь—и тѣмъ лучше! Тутъ очевидно происходитъ нѣкотораго рода смѣшеніе понятій. Насъ сбиваютъ съ толка цифры: въ Европѣ старо-католиковъ не полныхъ двѣсти тысячъ, а *римско-католиковъ двѣсти слишкомъ миллионъ*. Вотъ намъ и кажется, что малочисленные старо-католики *отдѣлились* отъ многочисленныхъ римлянъ; повторяю—это грубая ошибка. Старо-католики являются законными представителями Западной Апостольской Церкви; отъ *этой* Церкви отдѣлились сторонники „непогрѣшимаго“! Не старо-католики, а *эти*—римскіе католики, „бывшіе когда-то представителями запада, остались какъ бы новорожденными, безъ всякой церковной почвы, съ тягчайшею ересью на совѣсти! Замѣчу, что всѣ, вся Европа и сочувствующая старо-католикамъ и имъ враждебная называетъ однако *ихъ „старыми“*; а инфаллибисты оказываются *новыми!* Историческая истина сказывается сама собою, невольно!

Исходя изъ своего предположенія, что старо-католики „отъискиваютъ“ православную вселенскую церковь, о. игумень говоритъ имъ: эта отъискиваемая Вами Церковь *есть*;

эта Церковь, которую никогда не одолѣютъ врата ада, которая никогда не погибнетъ—существуетъ! Но вѣдь старо-католики и не думаютъ этого оспаривать, они весьма положительно говорятъ намъ: Да, церковь эта существуетъ: именно въ лицѣ Вашихъ пятнадцати автокефальныхъ церквей и нашихъ пяти старо-католическихъ Австрійской, Германской, Швейцарской, Голландской и Американской. И эти старо-католическія церкви совершенно „реальны“, какъ исповѣдующія то же ученіе, которое исповѣдывала и древняя вселенская церковь, онѣ не нуждаются ни въ какомъ присоединеніи къ какой бы то ни было другой. Вопросъ для старо-католиковъ состоитъ не въ присоединеніи къ православному церквамъ, а въ воссоединеніи съ ними. Многимъ изъ насъ такая постановка дѣла кажется неудобопріемлемой; это недопустимыя „претензіи“, говорятъ нѣкоторые; однако солидныхъ, дѣйствительныхъ аргументовъ противъ этихъ „претензій“ не выставляется. Нѣкоторыхъ изъ насъ смущаетъ новизна дѣла, его необычность; однако въ исторіи церкви, даже въ современной, мы находимъ примѣры оправдывающіе старо-католиковъ: Развѣ Римъ (на Цареградскомъ соборѣ 879 года), давшій въ лицѣ легатовъ папы доказательство своего православія, не былъ *eo ipso* признанъ *состоящимъ въ общеніи*? развѣ Востокъ и Западъ тогда *не воссоединились*? Въ рѣчи 8-го ноября, которою Фотій открылъ соборъ, онъ прямо заявилъ, что цѣль собора состоитъ въ огражденіи союза съ Римской церковью (въ восстановленіи его) и союзъ — воссоединеніе состоялся. Взаимное убѣжденіе въ обоюдной православности сторонъ было признано вполне достаточнымъ основаніемъ для восстановленія церковнаго единства. А если бы (повторю то, что говорилъ не разъ) на Ферраро-Флорентинскомъ соборѣ Римъ отказался отъ *Filioque*, на чемъ именно и настаивалъ Маркъ Евгеникъ, неужели единство не было бы восстановлено? неужели Восточные потребовали бы отъ Рима, чтобы онъ подвергся какому нибудь „чину присоединенія“. Но если это вѣрно относительно всего Запада—тоже самое должно быть признано вѣрнымъ и относительно его части (старо-католиковъ, являющихся полноправными представителями и наслѣдниками Рима временъ Іоанна VIII и Евгенія IV!) Но оппоненты наши все повторяютъ: Разъ старо-католики вышли изъ состава

Западной церкви, они стало быть (?) остались безъ каноническаго основанія и стало быть должны къ намъ присоединиться, какъ не давно присоединились несторіане. Нѣтъ, вышли изъ состава Западной церкви не старо—а ново-католики.

Конечно предложеніе старо-католикамъ такихъ условій положить предѣль ихъ докучливымъ домогательствамъ!

Отецъ игумень, (стр. 300.), уподобляя положеніе старо-католическихъ церквей, ищущихъ съ нами соединенія, положенію отдѣльнаго лица вступающаго въ нашу церковь, говорить, что старо-католики должны придать акту ихъ воссоединенія публичность, торжественность (?). Но развѣ старо-католики намѣреваются скрыть такой многозначительный фактъ, какъ воссоединеніе ихъ съ Православнымъ Востокомъ? На оборотъ; они конечно оповѣстятъ его *urbі et orbі*, какъ оповѣстимъ его Востоку и мы, къ обоюдной нашей радости! Вѣдь бѣльшаго ничего старо-католики отъ насъ и не ожидаютъ, ни на какую матеріальную отъ насъ помощь они и не рассчитываютъ! Они, съ самаго начала, заявляли объ одномъ, ожидали отъ насъ одного: они искали нашей помощи нравственной въ видѣ братской любви, въ видѣ отсутствія предвзятости при оцѣнкѣ представляемыхъ ими, въ защиту своихъ мнѣній—научныхъ аргументовъ.

Я сказалъ уже, что нѣкоторыхъ изъ нашихъ богослововъ смущаетъ новизна, необычность всего этого дѣла: „какъ же такъ, говорятъ они, старо-католики хотятъ съ нами воссоединиться, а не признаютъ необходимости, при этомъ, подчиниться какому нибудь „чину присоединенія“. Вѣдь вотъ когда, не давно, къ намъ присоединились Урмійскіе христіане, мы ихъ присоединили, по „установленному чину! Нѣтъ, безъ чина нельзя!“ Оказывается, однако, что можно, и теперь въ Австро-Венгріи и на Балканскомъ полуостровѣ цѣлыя общины переходятъ изъ православія въ католичество, и обратно простымъ заявленіемъ правительственнымъ органамъ, о такомъ переходѣ. Обратимся къ исторіи древней церкви и тамъ мы видимъ воссоединенія, совершаемыя простымъ удостовѣреніемъ въ православноиъ воссоединяющихся. Такъ на пр. соборы Карфагенскій (256 г.) и Арелатскій (314 г.) требуютъ отъ заблуждавшихся, возвращающихся къ истинѣ и единенію, лишь отреченія отъ заблужденій и исповѣданія

православной вѣры. 8-е правило I-го Вселенскаго Собора не говоритъ ни о какомъ особенномъ „чинѣ принятія“, ни о какомъ актѣ покаянія, а лишь о письменномъ заявленіи православности заблуждавшихся. На присоединяемыхъ возлагались иногда руки, но это имѣло лишь значеніе благословенія (такъ объяснялъ это патр. Тарасій, предсѣдательствовавшій на VII Вселенскомъ Соборѣ). III Вселенскій Соборъ постановляетъ еретиковъ Памфилійской области, если они согласятся письменно проклясть свои заблужденія, — допустить къ общенію. Тоже самое происходитъ и на VI Вселенскомъ Соборѣ: несторіане даютъ „рукописанія“ (о своей православности), отрекаются отъ своей ереси и — пріемлютъ Св. Причастіе. VII Вселенскій соборъ („радостно“) принимаетъ въ общеніе епископовъ иконоборцевъ (считавшихся тогда злыми еретиками) тоже безо всякаго „чина“ присоединенія, по одному письменному обѣщанію держаться православія, конечно съ отреченіемъ отъ ихъ заблужденій.

Разумѣется, возстановленіе единенія съ пребывавшими въ заблужденіи должно совершаться съ величайшей осторожностью, но осторожность эта должна состоять лишь въ томъ, чтобы крѣпко убѣдиться, что прежде „заблуждавшіеся“ нынѣ „право славятъ Бога“, что нынѣ вѣра ихъ вполнѣ согласуется съ вѣрой истинной, древней, *вселенской*. Ничего другаго требовать не должно. Этими, и только этими соображеніями должны мы руководствоваться въ нашихъ сношеніяхъ со старо-католиками, требовать отъ нихъ что-либо лишнее — несомнѣнно несправедливо. Они должны были заявить о томъ, что они отвергаютъ римскія новшества, и доказать, что они православны. Болѣе ничего! Но это они давнымъ давно совершили. Что касается до покаянія, то оно не имѣло бы въ данномъ случаѣ никакого основанія: оно можетъ быть справедливо потребовано отъ согрѣшившаго, отъ впавшаго въ ересь, а не отъ невольна унаслѣдовавшаго ее преемственно отъ предшественниковъ. Можно бы требовать покаянія отъ Пія IX и епископовъ большинства Ватиканскаго собора, но не отъ старо-католиковъ, отвергнувшихъ новыя и старыя заблужденія латинства!

Менѣ выясненнымъ остается, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вопросъ объ отношеніяхъ старо-католиковъ ко Вселенской Цер-

кви, и вотъ именно въ какомъ смыслѣ ¹⁾: объ этомъ пишетъ мнѣ одинъ изъ моихъ православныхъ корреспондентовъ, близко стоящій къ религіознымъ вопросамъ и задачамъ. Онъ говоритъ: Существуютъ церкви Вселенская, непогрѣшимо изрекающая истину, и церкви помѣстныя. Между ними должна быть *органическая связь, тождество*. Близости, хотя бы и самой тѣсной, сходства хотя бы и самого полного—недостаточно; нужно *тождество, единство*. Къ Православной, Вселенской Церкви не можетъ принадлежать Церковь почти православная, церковь съ изъяномъ, with a flaw, какъ выражается мой корреспондентъ. Нѣтъ ли какого изъяна въ церквахъ старо-католическихъ? *Во всемъ ли онѣ слѣдуютъ непогрѣшимо учению Церкви Вселенской, не позволяютъ ли онѣ себѣ какихъ-либо отступленій отъ непогрѣшимаго учения? Не дѣлаютъ ли они какихъ-либо оговорокъ?*

Постараюсь разъяснить дѣло: 1) *Когда и какъ* изрекаетъ Вселенская Церковь *непогрѣшимо истину*, которую должны *всеецѣло* принимать и исповѣдывать всѣ церкви помѣстныя? и 2) *Въ чемъ* собственно состоитъ эта истина? Ясно, что страшная привилегія говорить непогрѣшимо, т. е. становясь какъ бы на мѣсто самого Бога должна быть обставлена строжайшими гарантіями, долженствующими обезпечить челоувѣчество отъ возможной ошибки; необходимо, чтобы къ этому божественному голосу не примѣшивался голосъ посторонній, людской, хотя бы и благонамѣреннѣйшій. (Опасная это вещь—благонамѣренность, и въ политической и въ церковной жизни!) Для того, чтобы возвѣщать челоувѣку безусловную, божественную истину, Церковь пользуется специальнымъ имѣющимся у нея для сего органомъ — *Вселенскимъ соборомъ*; — разумѣется правильно созваннымъ, совершенно свободно говорящимъ и, по возможности, состоящимъ изъ всѣхъ наличныхъ епископовъ Церкви. Далѣе нужно, чтобы рѣшенія такого собора были приняты, одобрены всей церковью, такъ сказать „ратификованы“ ею, ибо епископы не *созидатели* вѣры (auctores fidei), а лишь *свидѣтели* (testes) вѣры своихъ паствъ. Иерархія не Церковь, не ей дано обѣщаніе непогрѣшимости, а всей Церкви. Иерархія можетъ и оши-

¹⁾ Я не возвращаюсь къ тому, что по этому поводу сказано мною въ моемъ отвѣтѣ преосв. Сергію.

баться, какъ то не разъ доказывала исторія. Наконецъ должно сдѣлать и еще одно замѣчаніе. Не всѣ соборныя постановленія имѣютъ одинаковое значеніе. Многія изъ нихъ имѣютъ лишь значеніе временное и мѣстное и давно уже не соблюдаются. Обязательны лишь тѣ постановленія, которыя облечены Церковью въ форму *догматическихъ постановлений*, обязательныхъ для всѣхъ христіанъ.

Такъ рѣшается этотъ первостепенной важности вопросъ въ теоріи, на практикѣ мы, къ сожалѣнію видимъ, нѣчто иное. Очень часто человѣкъ преданный своимъ вѣрованіямъ, дорожащій ими, не только всячески старается защитить ихъ отъ разныхъ нареканій, „разъяснить ихъ“, сообщить ихъ другимъ людямъ; онъ старается еще распространить, увеличить сферу ихъ дѣйствія, улучшить ихъ, возвеличить!... Въ этомъ невольномъ и наивномъ стремленіи заключается не малая опасность для истинной вѣры тѣмъ болѣе, что въ эту ошибку впадаютъ цѣлыя группы людей, и создаютъ теченія мысли, захватывающія даже цѣлыя помѣстные церкви. Древнее истинное вѣроученіе обременяется такимъ образомъ вреднымъ балластомъ разныхъ совершенно не нужныхъ и неудачныхъ разъясненій, часто опасныхъ суевѣрій, разныхъ бездушныхъ схоластицизмовъ, дѣлающихъ древнее ученіе—неузнаваемымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтатели этихъ новыхъ вѣрованій, мало помалу стараются придать имъ характеръ догматической обязательности; они радуются тому, что вотъ молъ ученіе ихъ „обогатилось“, „развилося“, наивно упуская изъ вида, что вѣдь дѣло состоитъ совсѣмъ не въ *многочисленности* догматовъ, а въ ихъ *истинности*! У насъ нѣкоторые завидуютъ обилію догматовъ латинской церкви, воображая, что оно помогаетъ человѣку стать нравственнѣе, способствуютъ ему глубже проникнуть въ христіанскія тайны,—достигнуть блаженства! Такая мысль—плодъ совершеннѣйшаго непониманія отношеній человѣка къ Творцу, къ Основателю Церкви, въ которой мы призваны жить. Спаситель, пребывающій и по нынѣ (и во вѣки) въ Своей церкви, далъ намъ извѣстное число законовъ, истинъ, необходимыхъ для жизни, для яснаго пониманія нашихъ нравственныхъ обязанностей, установилъ необходимыя для насъ таинства; Вселенская Церковь черезъ посредство своихъ соборовъ разъяснила нѣкоторыя истины, которыя до извѣ-

стнаго времени находились такъ сказать у нея подъ спудомъ; но и только! Этихъ указаній, этого напутствія совершенно для человѣка достаточно! Все придуманное впоследствии не по разуму усердными людьми—только вредитъ человѣку, стѣсняетъ его этическую свободу, наталкиваетъ его на ложный путь. Все это новое тѣмъ болѣе излишне, что въ христіанинѣ существуетъ не своими только слабыми силами, не въ одиночествѣ, а въ Церкви, какъ живой членъ живаго организма—Тѣла Христова; онъ живетъ въ Церкви восполняющей его слабыя силы Своими, божественными; въ Церкви увлекающей человѣка могучимъ теченіемъ Своей жизни! И старо-католики все это вполне признаютъ и не думаютъ оспаривать. Но мой ученый корреспондентъ идетъ далѣе; онъ говоритъ: Если кто-либо желаетъ быть „едино“ съ Церковью—онъ долженъ ей вѣрить, а если онъ ей вѣритъ, то онъ не долженъ позволять себѣ дерзостно выражать *какія-либо* сомнѣнія, дѣлать *какія-либо* оговорки; онъ не долженъ смѣть разсматривать предлагаемую ему истину, ибо — Церковь *непогрѣшима!* Присоединяйтесь, и, когда мы соединившись, другъ друга полюбимъ, Вы и уразумѣете истину, но уже не отчасти, какъ нынѣ, а вполне. На рационалистическомъ пути Вы ея не найдете! Ходъ мысли моего корреспондента напоминаетъ ходъ мысли Хомякова, относившагося скептически къ рационализму, въ примѣненіи къ жизни вообще и къ религіи въ особенности. Онъ искалъ для религіозной мысли болѣе широкое основаніе и находилъ его во всеобъемлющемъ чувствѣ любви. Эта мысль глубокая, на которой нѣкогда построится наша (будущая) русская философія, болѣе всеобъемлющая нежели рационалистическая философія современнаго запада, коренящаяся на гениальной, но односторонней Кантовой критикѣ. Очевидно мой корреспондентъ имѣетъ въ виду эту Хомяковскую мысль, кратко выраженную словами литургіи: „Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы“. Повторяю: эта мысль глубокая, но ее нельзя примѣнить безъ оговорокъ къ данному случаю ¹⁾; она можетъ быть обращена лишь къ тѣмъ людямъ, которые уже стоятъ въ извѣстной данной оградѣ. Для того, чтобы они могли правильно, какъ слѣдуетъ испо-

¹⁾ Здѣсь это было бы „petitio principii“

вѣдывать истину Христову, они дѣйствительно должны быть единомысленны, а чтобы дѣйствительно, по христіански быть единомысленными, лучшій путь—взаимная любовь; въ концѣ концовъ это конечно вѣрно; но этимъ путемъ нельзя обсуждать и рѣшать вѣроисповѣдныя, богословскіе вопросы. Людямъ, которые цѣлыя вѣка были разобщены другъ съ другомъ, необходимо начать съ того, чтобы столкнуться, сговориться. Мы восточно-православные находимся въ Церкви, вѣримъ въ ея ученіе, знаемъ его, готовы и полюбить другъ друга... хотя между нами не мало таки раздоровъ и вражды; ¹⁾ но другимъ, христіанамъ, стоящимъ внѣ нашей восточной ограды, не вполне видна наша истина. Старо-католики намъ говорятъ: Вы конечно православны, мы готовы искать у Васъ истину скорѣе, нежели гдѣ бы то ни было; но вѣдь многіе изъ Вашихъ же затрудняютъ намъ доступъ къ этой истинѣ, затемняя ее разными измышленіями, которыя добродушно выдаютъ за самое, самое древнее и настоящее ученіе древней нераздѣленной Церкви, но вѣдь мы-то, западные, знаемъ цѣну этимъ ученіямъ, взятымъ большею частію у насъ же, у нашихъ схоластиковъ! (И раздѣленіе Церкви на учащую и обучаемую, и Трансубстанціацію, и приравниваніе Іерархіи всей Церкви и усиленный контроль надъ богословскою мыслью, лишающій ее самостоятельности и т. п. и т. п.)... Не заставляйте же насъ считать догматомъ—то, что не догматъ, и отъ чего Вы конечно сами со временемъ откажетесь ²⁾).

Переходя къ оцѣнкѣ положенія старо-католическихъ церквей, мой корреспондентъ говоритъ, что старо-католики напрасно думаютъ, что Церковь можетъ „возродиться своими собственными силами, средствами“. Конечно; но старо-католикамъ и не приходится *возрождать* свою Церковь. Церковь эта существуетъ, и притомъ въ тѣхъ самыхъ формахъ и

¹⁾ Въ видѣ иллюстраціи своей мысли старо-католики могли бы указать на отношенія, существующія между греками патріархата и болгарскими экзархата, между арабами и греками въ Антиохійскомъ патріархатѣ и на многое др.

²⁾ Для человѣка, хотя нѣсколько знакомаго съ исторіей нашей церкви, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Несомнѣнно, что ученіе наше очищается отъ разныхъ не принадлежащихъ ему наростовъ, навѣянныхъ темными временами.

условіяхъ, которыя указаны въ нашихъ катихизисахъ: установленное отъ Бога общество православно-вѣрующихъ, соединенныхъ таинствами и закономъ, съ іерархіей коей рукоположеніе доходитъ до Апостоловъ. Нѣкоторые сомнѣваются въ дѣйствительности рукоположенія самой Утрехтской (Голландской) Церкви, давшей двухъ первыхъ старо-католическихъ епископовъ. Я имѣлъ не разъ случаи доказывать эту дѣйствительность и законность рукоположенія (1724 г.) епископа Корнилія Стэнговена епископомъ i. p. i—Доминикомъ Варле для Утрехтской церкви ¹⁾ (на основаніи совершенно правильнаго и единогласнаго постановленія утрехтскаго капитула). Сомнѣваться въ этомъ можно лишь, забывъ исторію нашей же православной Церкви. Варле былъ несомнѣнно въ правѣ рукополагать, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и Григорій Азбестъ. Примѣровъ, подтверждающихъ мою мысль, я могу привести не мало: на Іерусалимскомъ соборѣ 1443 года сторонники Флорентійской уніи были признаны не только „запрещенными“, но даже и „нечистыми еретиками“, но рукоположенія ими совершенныя не были опротестованы (а ихъ было не мало, пока держалась унія съ Римомъ) VII - й Вселенскій соборъ принялъ епископовъ, рукоположенныхъ еретиками-иконоборцами. Лица, получившія хиротонію отъ еретика (и убійцы) Петра Монга, признаны въ ихъ санѣ...

Мой корреспондентъ говоритъ далѣе, что старо-католики соорудили себѣ церковь изъ матеріаловъ той, которую они сами же оставили, что—не логично. Нѣтъ, мой почтенный корреспондентъ ошибается. Старо-католики никакихъ матеріаловъ изъ Римской Церкви не выносили, да имъ этого не зачѣмъ было и дѣлать, ибо они-то остались въ Церкви; покинули ее ультрамонтане-инфаллибисты. Старо-католики и остались *старыми*, ушли *новые*—принявшіе новый догматъ непогрѣшимости папы. Это кажется парадоксальнымъ и даже невѣрнымъ въ виду несоразмѣрности числа новыхъ католиковъ и старыхъ, но вѣдь истинность вѣры измѣряется ея согласностію съ завѣтами Спасителя, а не количествомъ лицъ, которыя ее исповѣдываютъ. Ежели бы критеріемъ

¹⁾ Университеты Парижа и Лавена (Louvain) одобрили и признали законнымъ избраніе Стэнговена.

истинности вѣроученія мы признали число его послѣдователей, оказалось бы, что мы, православные, гораздо болѣе удалены отъ истины, нежели протестанты и въ особенности латиняне!

Мой корреспондентъ указываетъ далѣе на разницу міросозерцаній Востока и Запада, усматривая въ ней *impedimentum dirimentem* для соединенія; онъ добавляетъ, что правильность или ошибочность ихъ не слѣдуетъ провѣрять ученіемъ древней Церкви. Думаю—прямо на оборотъ; только однимъ этимъ ученіемъ и можно ихъ провѣрить. Притомъ вѣдь существующая нынѣ разность не есть что-либо новое, вновь оказавшееся или придуманное; она коренится въ разности древней. Въ первое время ученіе *догматическое* было одинаково у Востока и у Запада, и исповѣданіе ихъ было тождественно, но и тогда уже существовала коренная разница въ ихъ міросозерцаніи; и тогда уже жизнь была у нихъ различна, интересы религіозные были различны. Философъ и эстетикъ Грекъ смотрѣлъ на христіанство иначе, нежели юристъ и политикъ Римлянинъ (что какъ извѣстно отражалось и на различномъ характерѣ восточныхъ и западныхъ ересей); однако, эта разность въ „духѣ“ двухъ великихъ отраслей вселенской церкви, въ пониманіи ими этическихъ задачъ религіи—не нарушала ихъ единства! почему же вотъ теперь разности этой придаетъ столь превеличенное значеніе?!

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ объ одномъ затрудненіи, на которое начали указывать лишь не давно. Оно не лишено извѣстнаго практическаго значенія, но не имѣетъ ничего общаго ни съ богословіемъ, ни съ религіею. Это—опасеніе, что если мы объявимъ, что старокатолики вѣруютъ православно, а затѣмъ, въ послѣдствіи соединимся съ ними, не смотря на разность въ обрядахъ, во внѣшности — мы этимъ усилимъ расколъ, породимъ новую его форму (?), а это, де, опасно! Эта мнимая „опасность“ — плодъ положительнаго недомыслія. Объявленіе нашими церковными властями, что наша православная Церковь допускаетъ свободу въ богословскихъ мнѣніяхъ и обрядахъ ¹⁾.

¹⁾ Что конечно относится не къ формамъ, обуславливающимъ дѣятельность *таинства*, на прим. призываніе всѣхъ трехъ лицъ Св. Троицы при крещеніи и т. п.

которыя для церковной жизни имѣютъ лишь второстепенное значеніе, можетъ лишь благотворно подѣйствовать на умы православныхъ пастырь. Дѣйствительно, отодвигая на второй планъ значеніе обряда, мы тѣмъ самымъ, увеличиваемъ значеніе другихъ сторонъ церковной жизни, выдвигаемъ значеніе таинствъ, этическую сторону жизни, сторону, которая у многихъ нынѣ стоитъ на заднемъ планѣ. Стоитъ лишь вдуматься въ эту истину, чтобы ее усвоить; но видно намъ это не легко! Мы склонны исполненіемъ обряда замѣнить исполненіе нравственныхъ обязанностей, налагаемыхъ на насъ религіею. Оно и понятно, человѣкъ мало развитой, конечно, скорѣе пойметъ внѣшнюю, обрядовую сторону религіи, скорѣе ее усвоить нежели внутреннюю; онъ и выдвигаетъ ее на первый планъ, забывая объ этическомъ значеніи жизни; онъ не понимаетъ, что всѣ эти внѣшнія формы, обряды, привычки имѣютъ значеніе лишь тогда, когда они являются выраженіемъ внутренняго этически-религіознаго настроенія; а вотъ этой-то внѣшностію многіе только и дорожатъ, въ ней-то и видятъ всю задачу христіанской жизни, ее-то и считаютъ критеріемъ истины. Постничаетъ человѣкъ въ пятницу?—православный! Постничаетъ въ субботу?—еретикъ; взятки беру, обмѣриваю—да; но за то благочестивъ, строго обрядъ соблюдаю! Всѣ эти и подобныя имъ мнѣнія и можно поколебать и разрушить, объясняя и доказывая, что внѣшность—дѣло лишь второстепенное, что не она путь къ спасенію, а лишь случайный, временный обликъ истины. Нѣкоторые говорятъ, не трогайте внѣшности, къ которой привыкъ народъ, любимой имъ обрядности, иначе рискуете отнять у него все то, что, хотя кое-какъ, сдерживаетъ его дурныя наклонности, его страсти, что заковываетъ сидящаго въ каждомъ изъ насъ звѣря! Нѣтъ, не правда, это психологически не вѣрно; эти внѣшнія условности ничуть не связываютъ человѣка, а даютъ ему лишь возможность обходить требованія нравственныхъ законовъ, противопоставляя имъ добросовѣстно и точно исполненный обрядъ, свимающій будто бы съ суевѣрнаго его исполнителя всякую заботу о совершенномъ преступленіи; ничего молъ, свѣчки ставитъ буду, постничать, обѣдни заказывать....., ну и отмолю ¹⁾! и благо бы всѣ эти свѣчки и посты являлись

¹⁾ Вспомнимъ синодики Іоанна Грознаго, и налагаемыя на него эпи-

плодомъ раскаянія въ совершенномъ дурномъ дѣяніи, но вѣдь бѣда въ томъ, что мы зачастую видимъ, что на все это рассчитываютъ *впередъ!* благотворность всего этого „дисконтируется“ впередъ, до совершенія дѣянія, какъ какой-то вексель на божественное правосудіе! Вѣдь это чистѣйшій іезуитизмъ разныхъ Эскобаровъ, Маріанъ, Бузенбаумовъ и К^о, къ числу коихъ должно причислить и Св. Альфонса Лигуори. Какъ это ни ужасно, а вѣдь это несомнѣнно такъ, это правда! но какъ же власть имѣющіе не рѣшаются это сознать и сообразно съ этимъ дѣйствовать?!

Возвращаясь къ „опасности“ новаго раскола. Никакой тутъ опасности нѣтъ и не существуетъ. Конечно когда (но *когда* еще это будетъ?!) вопросъ о воссоединеніи нашемъ со старо-католиками перейдетъ изъ области теоріи въ практику жизни, нашему духовному вѣдомству не трудно будетъ объяснить православному народу, что старо-католики столь же православны какъ и наши единовѣрцы и какъ мы сами, что священникъ безъ бороды можетъ такъ же правильно и законно совершать таинства какъ и священникъ съ бородой, что хоръ съ органомъ можетъ возносить къ Господу такія же горячія молитвы, какъ и хоръ безъ органа, что электрическое освѣщеніе храма столь же угодно Богу, какъ и восковое, такъ какъ и воскъ и электричество созданы Имъ же и т. п.... Раскольники появляются у насъ постоянно, иногда изъ-за самыхъ нелѣпныхъ причинъ, (вотъ теперь напр. основалась секта, признающая Отца Іоанна Кронштадтскаго Христомъ, явилась при этомъ и Богородица... слѣдуетъ ли изъ за этого спрятать уважаемаго всеѣ Россіею Отца Іоанна подъ спудъ?!) Можетъ ли, должно ли опасеніе, что какіе-то темные люди, *можетъ быть* истолкуютъ нелѣпо признаніе ученія старо-католиковъ — православнымъ, останавливать насъ въ такомъ святомъ дѣлѣ? Можемъ ли, должны ли мы изъ-за этого оставлять старо-католиковъ безъ отвѣта? такъ и забросить дѣло воссоединенія съ христіанами ищущими его? такъ и забыть, что стремленіе къ единству паствы Христовой есть именно желаніе Христа,

тимъ м. пр. и за его незаконные браки. А сколько среди насъ такихъ Іоанновъ—конечно въ микроскопическихъ размѣрахъ, безъ его неудержимаго помѣшаннаго размаха.

что это Его завѣтъ!? Можно ли считать такое отношеніе къ дѣлу—государственной мудростію? Едва ли!

Впервые, со времени злосчастнаго отдѣленія своего отъ Востока—Западъ обращается къ намъ съ ходатайствомъ о воссоединеніи, впервые является возможность возстановить хотя бы частичное единство съ западомъ; а мы будемъ останавливаться передъ опасеніемъ, что какіе-либо безграмотные люди, того гляди, не поймутъ насъ, перетолкуютъ въ дурную сторону наши дѣйствія! Но гдѣ же тогда авторитетъ нашихъ учителей, гдѣ законное ихъ вліяніе на паству? Гдѣ же та „*lehrende Kirche*“, учащая церковь, которая о себѣ такъ настойчиво напоминаетъ?

Когда дѣло идетъ объ исполненіи, хотя бы и въ маломъ масштабѣ, завѣта Спасителя, нельзя останавливаться передъ оппортунистическими соображеніями, къ тому же—и неосновательными! Повторяю, не *новый* расколъ произведетъ правильно истолкованное соединеніе со старо-католиками, а на оборотъ—сократитъ, ослабитъ *существующій*. И какое плачевное недовѣріе доказываютъ эти колебанія и страхи къ могуществу *истины*! Но я позволю себѣ пойти далѣе: уже и теперь сношенія наши со старо-католиками оказались для насъ не бесполезными, (какъ это и предсказывалъ проф. Осининъ); не смотря на препятствія, которыя они встрѣчаютъ и еще будутъ встрѣчать, сношенія эти принесли уже не малую пользу, кое-что уже выяснили. Выяснился и самый критерій для оцѣнки правильности того или другого ученія: кое чему сдѣлана переоцѣнка, и даже очень полезная! Не должно стало-быть останавливаться на этомъ истинно-христіанскомъ пути! Сношенія наши со старо-католиками являются несомнѣнно однимъ изъ многихъ факторовъ прогресса нашей религіозной мысли. Въ ходѣ этого поступательнаго движенія замѣчаются колебанія, но все же мысль разъясняется, двигается впередъ, а мѣрѣ разъясненія, и *одухотворяется*; отъ мертвящей буквы она переходитъ къ животворящей мысли. Не бояться должно—этого движенія, а привѣтствовать его, не тормозить его—а помогать ему!

Впрочемъ, вѣдь опасенія тѣхъ, которые боятся возникновенія новаго раскола очень, очень преждевременны, до вопроса о воссоединеніи еще далеко! Воссоединеніе можетъ состояться лишь послѣ обоюднаго удостовѣренія въ право-

славности ученія обѣихъ сторонъ; а этотъ вопросъ еще далеко не рѣшенъ и, судя по медлительной осторожности съ которой наша синодальная комиссія отвѣчаетъ старо-католической (Роттердамской), онъ рѣшится еще не скоро; стало быть и „опасныя“ послѣдствія соединенія еще далеки! А до тѣхъ поръ, Богъ дастъ, многое само собою выяснится! Какъ ни какъ—а мы все-таки двигаемся, мысль наша углубляется, разъясняется, мало по малу освобождается отъ окутывающихъ ее тумановъ! Молодая наша наука, не смотря на окружающія ее стѣсненія, завоевываетъ себѣ все большіи и большіи просторъ, большую свободу „мнѣнія и сомнѣнія“; а вѣдь съ этимъ и сердце становится „просторнѣе“! Всего этого нечего бояться; все это можно лишь радостно привѣтствовать!

Александръ Куръевъ.

Павловскъ

1-го Іюня, 1904 г.
